

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

СТЕКЛЯННЫЕ
ТАЙНЫ СИМКИ
ЗУЙКА

Владислав Крапивин

Стеклянные тайны Симки Зуйка

«Автор»

2005

Крапивин В. П.

Стеклянные тайны Симки Зуйка / В. П. Крапивин — «Автор»,
2005

ISBN 5-699-11584-6

Новый роман классика детской литературы – Владислава Крапивина. Время детства и юности, простор больших рек, друзья, первое знакомство с городом на Неве, стихи запрещенных в ту давнюю пору (более чем полвека назад!) поэтов... Это осталось в памяти автора навсегда. И он решил еще раз вернуться в детские годы, когда в его жизни было немало загадок, открытий и таинственных историй, которые в итоге сплелись в увлекательный приключенческий сюжет...

ISBN 5-699-11584-6

© Крапивин В. П., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Первая часть	5
Старинный пятак	5
Вода и огонь	10
Соня и Тони Мак-Тэвиш Ливи	16
Пароход «Тортила»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владислав Крапивин

Стеклянные тайны Симки Зуйка

Роман совпадений

*Памяти моего младшего брата Олега,
памяти нашего детства...*

Первая часть Стёкла

Старинный пятак

Разве можно было ждать, что лучистое, пересыпанное желтыми одуванчиками утро начнется с неприятности...

В Нагорном переулке тротуар был дощатый, пружинистый такой. Вплотную к нему стоял низкий штакетник из реек. Одна рейка оторвалась от бруса и криво торчала над крайней доской. Симка на бегу не заметил рейку. О-о... В глазах – мокрые бенгальские огни! Симка стремительно сел на корточки, выпустил сумку, вспотевшими от боли ладонями вцепился в щиколотку. И, чтобы не разреветься на глазах у прохожих (правда, их не было, но вдруг появятся!), он включил внутри себя музыку.

Случается, что музыка помогает в трудные минуты. Не всегда, но случается. Может она задавить страх и унять душевную дрожь, может вернуть сбежавшую ясность ума (как, например, на годовой контрольной по арифметике, когда Симка запутался было в правилах деления дробей). Может силы дать, чтобы скрутить боль. Особенно такая, как эта – марш героических повстанцев «Двадцать шестое июля»:

Сражайтесь, кубинцы!
Свобода родины пусть будет вам наградой!
Сражайтесь, кубинцы!
Тарам-там-там, тарам-там-там, там-там!...

Слов Симка почти не знал, но достаточно было и мелодии. Боль обмякла, ослабела, как слабеет враг перед лицом героических бородатых бойцов в косо надвинутых беретах...

Симка сделал глубокий вдох и выдох, проглотил слюну. И осторожно убрал с ноги ладони. Ссадина была небольшая, без крови. Но кожа синевато потемнела, косточка припухла. ...– Чё, Зуёк, малость покалечился?

Симка, не разгибаясь, поднял лицо и увидел над собой Фатяню.

Фатяня был парень лет шестнадцати. Из тех, про кого в школе и милиции говорят «трудные подростки». А другие взрослые, попроще, говорят: «Обалдуй, тунеядец, шпана». К тому же он был двоечник, в шестом или седьмом классе сидел два года, да и в других учился еле-еле. Водил компанию с такими же балбесами, за которыми (это по слухам!) водились всякие нехорошие дела. Толстая инспекторша детской комнаты старший лейтенант Гулевина при встрече с ним печально, как добрая родственница, покачивала головой:

«Ох, Фатунов-Фатунов, когда ты возьмешься за ум? Не кончишь ты, Вова, добром...»

«А чё, Майя Борисовна, у вас разве против меня какой-то материал?»

«Да ты весь – сплошной материал для комиссии по делам несовершеннолетних, – сокрушенно убеждала его старшая лейтенантша. – Посмотри на себя...»

Тощий и малость косоплечий Фатяня ходил в похожей на заграничную рубахе с узором из пальм и маргышек. Уже одно это позволяло зачислить его в стилиаги, за которыми охотятся в городском парке и на клубных танцплощадках комсомольские патрули. Правда, была рубаха изрядно замызганная, а в распахнутом вороте виднелась полинялая тельняшка. И стильные узкие штаны Фатяни тоже были неглаженные, с пузырями на коленях. А вместо иностранных (и полузапрещенных) башмаков на толстой каучуковой подошве) были на Фатяне брезентовые полуботинки за двадцать два рубля пятьдесят копеек (почти такие, как у Симки, лишь разлапистей). Все это, пожалуй, мешало записать Фатяню в окончательные стилиаги, из которых, как известно, американская недремлющая агентура вербует своих помощников. К тому же на танцы Фатяня не ходил, а развлекался тем, что гонял со своими большими приятелями на пустыре за водокачкой футбол или чинил дряхлый мопед «Рига». А еще он собрал из старых деталей электропроигрыватель с динамиком, который иногда выставлял на подоконник своего кривого деревянного дома, и тогда из-за палисадника с ревом и барабанным боем неслась вредная для советской молодежи музыка под названием «Буги-вуги». Бабки и прочие взрослые соседи плевались, а девчонки всякого возраста собирались перед палисадником и вращали на себе пластмассовые обручи. Дело это называлось «хула-хуп» и, конечно, тоже отдавало американским образом жизни, но в то же время оно имело отношение к физкультуре, поэтому слишком сильно не запрещалось.

Симка с Фатяниной компанией дел не имел, ни в чиху, ни в футбол с большими парнями не играл, а к музыке «Буги-вуги» относился отрицательно, потому что любил другую. С Фатяней он был еле знаком – просто жители одного квартала. И он даже удивился, что Фатяня знает его прозвище.

И вот Симка, сидя на корточках и вскинув голову, смотрел на Фатяню из-под вздернутого козырька обшарпанной школьной фуражки, а Фатяня смотрел на него – непонятно как.

Лицо Фатяни вообще было непонятным. Левый глаз его косил, а угол рта кривился вверх, словно Фатяня на весь мир глядел с ехидцей. На самом деле это не так – знающие люди говорили, что косоватость лица (как и плеч) у него от рождения. Но что за этой косоватостью на самом деле, поди разберись.

– Покалечился, говорю?

– Да не-е... Так, не сильно... – выдавил Симка с некоторой опаской.

– Дай-ка гляну... – Фатяня вдруг сложился, как складной метр, и присел рядом. Тронул пальцем косточку (Симка ойкнул). – Похромать придется... Хорошо бы что-то холодное приложить. А?

Симка шевельнул шелушащимся от июньского загара плечом (он был в сизой полинялой майке).

– Чего приложить-то...

– А погоди-ка! – Фатяня растопырил локти, полез в брючный карман. – Вот... – он протянул на ладони старинный пятак.

– Спасибо... Только разве он холодный? – осторожно усомнился Симка (и прыгала мысль: чего это Фатяня такой заботливый?).

– А ты думал! Конечно, холодный! У таких монет, у старинных, особое качество: они холод в себе держат при любой погоде... Ну-ка...

Фатяня взял Симку под мышки, усадил на край тротуара, цепко ухватил пострадавшую ногу выше башмака (несмотря на боль, Симка хихикнул от щекотки).

– Не вздрагивай... Давай-ка, вот так... – Медный кружок прижался к припухшей косточке. Медь и правда была холодная. Этот холод почти совсем успокоил боль, растворил ее в себе.

– Ну что?

– Ага... хорошо...

– Я ж говорил! Теперь поддержи минут пятнадцать, и все пройдет.

– Ага... Только я не могу пятнадцать минут, – виновато объяснил Симка. – Мне надо скорее...

– Платка-то небось нету?

– Не-а...

Фатяня распрямился и, глядя на Симку с высоты, вытянул из кармана белый с полосочками платок. Мягкий, но довольно чистый. Рванул его на несколько полос. Опять присел.

– Давай...

Не туго, но плотно Фатяня примотал к ноге пятак, затянул узелок. При этом шумно дышал. От Фатяни ощутимо пахло куревом и чем-то еще – вроде горелой изоляции. Он любовался своей работой. Симка тоже смотрел с удовольствием. Повязка героически белела на загорелой ноге. Фатяня поднял Симку за локти, поставил на тротуар.

– Потопчись-ка...

Симка потоптался. Осторожно, потом смелее. Остатки тупой боли в ноге угасали. Монета держалась плотно.

– Все в аккурат... Спасибо... – Симка поднял с доски сумку, глянул вопросительно: я пойду?

– На здоровье, – хмыкнул Фатяня. – Не кашляй, не хромай... Да сперва-то слишком не скачи. Куда торопишься с утра?

– К мамке в больницу, с передачей... – Симке сразу стало противно. Из-за этого «к мамке». Никогда он маму так не называл, а сейчас вот дернуло за язык. Наверно, чтобы подладиться к Фатяне, оказаться с ним «на одной доске».

Фатяня, видать, сразу учуял эту неуклюжую хитрость. Ехидство проступило на косом лице – теперь уже настоящее... но тут же и пропало.

– А что с мамой-то? – сказал он, деликатно ставя глупого Зуйка на привычные рельсы.

Симка заговорил торопливо и с облегчением:

– С мамой-то ничего. Это она из-за Андрюшки, из-за брата, ему полтора года, он scarлатиной заболел, да так тяжело, что маму положили вместе с ним... Теперь-то уже все в порядке, но еще не выписывают, потому что полагается не меньше месяца... А идти надо скорее, потому что скоро там перерыв в приемном пункте...

– Ладно, двигай... – Фатяня повернул Симку к себе спиной, приятельски хлопнул между лопаток. – Да больше не спотыкайся.

– Ага... – Симка оглянулся. – А пятак я тебе завтра принесу. Я знаю, где ты живешь.

– Да на фиг он мне! У меня этого добра... Возьми себе, сгодится как биток для чики..

– Спасибо, – опять сказал Симка. И пошел (все-таки прихрамывая) по крайней упругой доске. И размышлял о странном поведении Фатяни. С чего он такой добрый?.. Но с другой стороны – а чего ему быть недобрый? Что он, Симка, знает про Фатяню? Мало ли что говорят, а сам-то Симка разве видел от него что-то худое? Да и другие мальчишки... Ну, ругается порой так, что уши в трубочку, а то и пинка может дать самым настырным, кто лезет к мопеду. Зато иногда и прокатиться дает...

– Эй, Зуёк! Тормозни на минутку!

Симка «тормознул». Оглянулся. Фатяня подошел. Высокий, костлявый, странно потоптался рядом.

– Ты... это... Просьбочка к тебе одна... Можешь помочь?

Ага, вот оно! А Симка-то, глупый, размяк, думал, что Фатяня лечит без всякой выгоды...

– Ну... я могу. Если смогу...

– Да ты не бойся, дело-то вовсе ерундовское. Только не говори никому, а то подумают, что я совсем... того этого... – Фатяня крутнул пальцем у виска.

– Я не скажу... а что надо-то? – Стало и страшновато, и любопытно.

– Сегодня к трем часам понесу документы в училище. Новое открыли, при судостроительном заводе... Ну, известно, какие у меня документы. Седьмой класс-то я закончил, да только там еще справки и характеристики всякие нужны, а сам понимаешь, что у меня за характеристики... Дядька мой, брат отца, он на заводе в управлении, обещал похлопотать, но сказал: «Точно не обещаю. Начальство будет смотреть и решать». Ну вот, сегодня я и пойду на беседу. Это не совсем экзамен, но вроде того... Врубашься в суть?

Симка кивнул, хотя не очень врубался.

Фатяня совсем по-ребячьи ковырнул брезентовым башмаком тротуар. Выговорил:

– Я это... вообще-то не суеверный, но тут, говорят, есть одна верная примета. Чтобы на экзамене все было нормально, надо такое... в общем, надо, чтобы кто-то ради того, кто сдает, макнул палец в чернила и не смывал, пока экзамен не кончится... Может, это и глупость, но я слышал, что помогает... А ты не слышал?

– Не-е... Я слышал, что надо новенькую денежку, нынешнего года, в ботинок положить. Лучше всего двадцать копеек. Я так и делал на контрольной по арифметике. И помогло...

О том, что главным образом помогла мысленная музыка, боевая песня «Легендарный Севастополь», Симка говорить не стал.

– Всякому свое... А мне вот палец... Русский когда сдавал, его один... одна знакомая мизинец в чернилку макала. И помогло. Да потом я с ней малость поссорился. А надо, чтобы тот макал, кто на тебя никакой обиды не держит. Ты ведь ко мне ничего не имеешь?

Симка так мотнул головой, что фуражка крутнулась и осела на уши. Никакой обиды на Фатяню у него никогда не было.

– Я макну! Трудно, что ли!

– Ты не думай, что я это за пятак прошу. Я уж потом подумал, что хорошо, если ты...

Симка теперь и не думал, что эта просьба – за пятак. Ясное дело, мается Фатяня от беспокойства и неизвестности.

– Я макну, честно! Ты не бойся! По самый корешок!

– Да не надо по корешок. Можно по первую костяшку. И сразу замотай, будто порезал, чтобы никто не спрашивал... Только не позднее трех, ладно?

– Ладно! Какой палец макать-то, на какой руке?

– Какой хочешь. Лишь бы обязательно.

– Я обязательно, не сомневайся... Только знаешь чего?

– Чего?

– Ты... в этой рубахе в училище лучше не ходи. Скажут – вот стилига явился. Тогда и палец не поможет.

– Само собой! В белой пойду, как юный пионер... А в училище форму дают знаешь какую? Не как в обычной ремеслухе, а флотскую. Судостроители потому что. А можно, говорят, и на матроса выучиться и даже в мореходку оттуда пойти, если занимаешься нормально...

– Здорово! – одобрил Симка, хотя и не был уверен в будущем прилежании курсанта Вовы Фатунова.

– Еще бы не здорово!.. У тебя, видать, к флотскому делу тоже есть притяжение? Вон сколько якорей...

Якорей было три. Два скрещенных – на фуражке, третий, с наложенным на него штурвалом, приделан к пряжке школьного ремня, продетого в петли потрепанных (но зато заграничных) штанишек, которые в нынешние времена назывались новомодным словом «шорты».

Симка повел плечом: может быть, мол, «имею притяжение», но чего об этом говорить.

Фатяня хлопнул его по этому плечу.

- Договорились, значит?
- Железно... Ни пуха, ни пера!
- Само собой, к черту. Не обижайся.
- Да что ты! Ну, пока!
- Бывай...

И они разошлись.

Шагов через двадцать Симка оглянулся. Фатяни уже не было, свернул на Запольную. Симка шагнул еще, еще... и снова остановился. Можно, конечно, опоздать в больницу, но... Он с торопливым прихрамываньем вернулся к зловредной рейке. Выпрямил, прислонил ее к брусу. Торчавший гвоздь заупрямился, не хотел лезть в прежнее гнездо. К счастью, за штакетником, в густых одуванчиках, притаился обломок кирпича. Этим обломком Симка вколотил гвоздь и выпрямился. Теперь не будет на душе опасения. А то вдруг кто-нибудь вроде Симки побежал бы тем же путем и тоже – бряк ногой! Или еще хуже: если еле научившаяся ходить кроха вроде Андрюшки...

Вода и огонь

Симка вышел на взгорок, с которого виден был плоский берег с Заречной слободой и уходящие к горизонту дали. Они поблескивали озерками и старицами, курчавились рощами, зеленели лугами и пестрели рассыпанными в зелени деревьями. Над этим простором висели несколько пухлых желтых облаков.

Неподалеку глубокий лог, что тянулся на запад Нагорного переулочка, соединялся с рекой. Соединялась с ней и речка Туренька, журчавшая на дне лога. По имени этой речки и был назван город, в котором все свои одиннадцать лет прожил Симка Стеклов.

У большой реки тоже было имя, но его почему-то называли редко, обычно говорили просто «река». Даже пристанская станция железной дороги называлась «Река». А город назывался Турень. Имя женского рода...

Симка спустился по расшатанным ступенькам к Речному проезду, прошагал по мосту через лог (высоченному, Туренька далеко внизу) и вышел на другой мост – ведущий через реку.

Это было старое сооружение на обитых досками опорах. Его венчали две решетчатые фермы из косых балок. Под фермами неспешно двигались туда-сюда грузовики и порой проползал рейсовый автобус. Недавно в Турени построили еще один мост, из бетона и железа. Однако одного моста – даже широкого и современного – было мало. Поэтому деревянный старик по-прежнему кряхтел и трудился изо всех сил.

Правее и левее ферм тянулись дощатые настилы для пешеходов. С перилами. Перила были прочные, из крепких брусьев, а настилы жиденькие, в один слой. Между щелями далеко внизу видна была желтоватая вода. Лучше шагать побыстрее и не думать, какая хлипкость отгораживает тебя от воздушной пустоты и текучей глубины... Симка и не думал! Уж под ним-то, легоньким, как бумажный солдатик, доски никогда не проломятся. Да и привык он к мосту, к его высоте – последние три недели каждый день топал туда и обратно. И сейчас он поглядывал вниз и вдаль без всякой боязни.

Река трудилась, как и мост. Сновали катера. Появился из-за поворота однопалубный «Стахановец» – пароходик местной пассажирской линии. Был он древний и обшарпанный, но издали и под ярким солнцем казался белым, как черноморский лайнер. Вдоль стоявших у низкого берега плотов прокопченный коричневый буксир с белыми кожухами гребных колес тащил вниз по течению тупоносую баржу. На барже громоздились штабеля новых фанерных ящичков, они горели на солнце, как позолоченные...

Буксир (назывался он «Красин», как знаменитый ледокол), выталкивая из трубы густые клубы, ушел под середину моста. Ключья сажистого дыма пробились сквозь щели, и показалось даже – пушисто защекотали ноги. Запахло сгоревшим углем. Симка хихикнул и грудью лег на перила. Под ним скользила баржа. На ящиках стояла светлоголовая девчонка в зеленом, как березка, платьице (волосы ее тоже золотились). Смотрела вверх. Симка подумал и помахал ей ладонью. Девочка заулыбалась и тоже замахала – двумя руками. И... уплыла под мост.

Славная, наверно, раз помахала незнакомому мальчишке. Может быть, такая же, как Соня... Жаль только, что не успели даже как следует разглядеть друг друга. Можно было бы перебежать мост и помахать еще, с другой стороны. Однако грузовики, как назло, ползли в оба конца вереницами – не проскочишь... Да и зачем? Все равно буксир утащит баржу с девочкой своим путем, а Симке надо шагать своим. Жаль, что так получается – взглянут друг на друга два человека, протянется между ними ниточка, и сразу надо расходиться.

Симка вспомнил прошлогоднюю встречу с мальчиком на берегу залива и слегка загрустил.

Но грусть была на две секунды. Потому что сияло солнце, веял пахнущий рекой и береговыми тополями ветерок, и, кроме того, надо было спешить.

Симка заспешил вприпрыжку. Но на середине моста опять пришлось задержаться. Сделанная Фатяней повязка ослабла, пятак под ней елозил и грозил вывалиться. Будь на Симке гольфы или хотя бы носочки с резинками, можно было бы натянуть их на бинт. Но Симка гулял в башмаках на босу ногу. Он потоптался на месте. А может, убрать повязку и пятак? Пострадавшая косточка вовсе и не болит уже (или самую чуточку). Симка опустил на доски сумку. Поставил ногу на нижний брус перил, разматал матерчатые ленты, скомкал их в левой ладони, а на правой покачал тяжелую монету. Красивый такой пятак, хотя и поцарапанный. На отчеканенных крыльях двуглавого орла различимо каждое перышко. А древность какая! 1898 год! Прошлый век!

Может, кинуть в воду? Симка давно уже не приносил реке никакой жертвы.

Был у него такой тайный обычай: примерно раз в неделю Симка бросал с моста или берега какую-нибудь мелкую денежку (так бросил и двугривенный, который помог ему на контрольной). Это чтобы река всегда была доброй к Симке... Но нет, пятак все-таки жаль: он почти что музейная редкость да и подарок к тому же.

Симка опустил монету в правый карман и там же нащупал трехкопеечную монетку. Ногтем подбросил ее в воздух (словно играл в «орел-решку»), поймал на ладонь и с размаха кинул через перила. Та долго летела вниз, мелькая желтой искоркой.

Хотел Симка бросить и скомканные тряпичные ленты, но вдруг стало неловко. Словно Фатяня мог обидеться. Я, мол, старался, мастерил бинт, а ты выбрасываешь. Конечно, эти ключья уже не сшить в целый платок, но, может быть, они зачем-нибудь пригодятся. Он скал полоски в тугую муфточку, затолкал ее в левый карман. А в кармашке у пояса привычно потрогал (проверил – на месте ли?) стеклянный значок – память о прошлогоднем путешествии. Симка не решался носить его на рубашке или майке, когда в одиночку уходил далеко от дома. Встретится какая-нибудь шпана, сорвет, и что тогда делать...

Симка поднял сумку, распрямился и оглянулся на город.

Турень протянулась над высоким берегом. Откосы косматились репейно-попынными и крапивно-бурьянными джунглями (лишь кое-где – опасливые тропинки). Над откосами стояли тонкие колокольни. Розовая Знаменская церковь – с золотым крестом. Ильинская – обшарпанная и без креста, потому что там водочный завод. Справа громоздились белые башни и темные купола старинного монастыря. Купола тоже были без крестов и с дырами, потому что в монастыре давно не жили монахи, а была какая-то секретная фабрика. Но все равно монастырь выглядел сказочно – словно городок из книжки с былинами. Он был похож на крепость: зубчатые стены, башенки по углам...

А еще стояли над берегом старые купеческие дома – деревянные и каменные. И белый двухэтажный музей с колоннами и черными часами над фасадом. И длинное здание военного училища (бывшие торговые ряды) с полукруглыми окнами, и вековые тополя. Главный город – с новыми кварталами, вокзалом, цирком, садами и школами – не был виден за гребнем берега. Здесь – только его «историческое лицо», неизменное в течение многих лет.

«От «исторического лица» в трех местах тянулись по откосам к воде извилистые деревянные лестницы. Они вели к причальным к переправам. Потому что мостов не хватало и жителей с берега на берег возили маленькие чихающие катера, а на одной переправе даже гребной баркас. Билет стоил как в автобусе – сорок копеек, а на баркасе, кто не хотел платить, спешили занять места у весел. Тогда – бесплатно. Симка тоже однажды устроился у весла (чтобы прокатиться) и помогал дюжему небритому дядьке. Тот подмигивал Симке, который в одиночку весло и не повернул бы: «Жми, юнга, без тебя я никак...» Но на обратном пути пробраться к веслу не удалось и пришлось отдать два двугривенных крикливой тетке, которая грозила всех безбилетников «покидать за борт к водяному лешему»...

Симка прошелся глазами по городскому берегу с удовольствием – свою Турень он любил. А на золотом кресте Знаменской церкви остановил взгляд уважительно и с некоторой осторожностью: нет ли за ним, за Симкой, больших грехов?

Настоящим верующим (как, например, соседка тетя Капа) Симка не был. Прошлой весной, когда мама и тетя Капа тайком пригласили священника, чтобы окрестить Андрюшку, и предложили Симке окреститься тоже, он сдержанно возмутился: «Вы что! У меня же красный галстук!» Но летом, после разговоров с Норой Аркадьевной, Симка ощутил, что есть все же Высшая Сила, от которой зависит жизнь Вселенной и каждого человека. Ну, каждым отдельным человеком эта Сила постоянно не занимается, пусть тот живет своим умом, но если он творит что-то очень скверное, тогда можно ждать расплаты...

Сейчас ни в чем слишком скверном Симка не был виноват, а мелкие грехи есть у каждого, Высшая Сила на них не обращает внимания. Он мысленно попросил у креста: «Пусть у мамы и Андрюшки все будет хорошо», и прикрыл веки. Как обещание, что «все будет хорошо», в упавшей на глаза тьме светился след сияющего креста. Симка благодарно улыбнулся, затем посмотрел на музейные часы. Глаза у него были как у индейца по имени Зоркий Сокол (Симка сам его придумал), и он различил, что стрелки на далеких курантах показывают без десяти одиннадцать. Ой-ей-ей!.. Он заспешил, чиркая ногой о скользкую клеенчатую сумку, в минуту миновал мост, который превратился в дамбу, уходившую в заречные дали. Крутой тропинкой Симка сбежал с дамбы на улицу – она тянулась вдоль реки и называлась Береговая Односторонка.

Вместо обычной дороги здесь была устроена мостовая из досок и уложенных между колеями бревен – «лежнёвка». Шагать по ней было удобнее, чем по кривому тротуару, что тянулся вблизи от буйной крапивы. Симка зашагал, поглядывая вперед и назад – нет ли машин. Машин не было, стояла солнечная тишина и летали бабочки. Улица пахла деревом. Сухим – от лежневки и заборов и сырым – от плотов и сложенных на песке штабелей.

Через два квартала Симка свернул в Сосновый переулок (где не было никаких сосен, а росли вдоль канавы жидкие рябинки). Больница располагалась в обычном двухэтажном доме, каких немало вокруг, – с кирпичным низом и деревянным верхом. Симка, привычно заробев, оттянул тяжелую дверь с противовесом и оказался в полутемной после солнца прихожей. Вдохнул душноватый больничный запах. В широком окне перегородки разглядел тощую и неласковую санитарку, ведавшую передачами.

– Здравсте, Василиса Григорьевна, – сказал он со всевозможной вежливостью.

Вежливость не помогла.

– Чего пожаловал? Здесь больница, а не Дом пионеров...

Будто не понимает!

– Вот... передача маме...

– Передачи когда принимают, не знаешь? Первый раз? Санитарный час у нас! С одиннадцати до двенадцати!

За суровой Василисой белел круглый циферблат электрических часов. А слева от окошка зачем-то висели старые жестяные ходики, постукивали маятником. На тех и других часах было одно время.

– Еще же без трех минут!

– Я гляжу, ты шибко умный, считать умеешь. Это я за три минуты должна туда-обратно мотаться? Ради тебя одного...

– Ну, Василиса Григорьевна...

– Давай передачу, после двенадцати снесу.

Ха, снесет она! А дальше-то что! Надо ведь еще сказать маме, что к ней и Андрюшке именно сейчас пришел сын и стоит на улице под окном. Окна маминой палаты выходят на

больничный двор, туда не проберешься, поэтому мама должна выйти в коридор, открыть там на втором этаже оконные створки, принести Андрюшку, и тогда получится свидание...

– Лучше я приду через час, – буркнул Симка.

– Ну и гуляй... Да не бухай дверью-то, придерживай.

Симка все-таки бухнул – не нарочно, а потому, что такая здоровенная гиря подвешена в тамбуре. И пошел на берег.

Штабеля из крепких бревен лежали тесно, однако между ними оставались неширокие проходы. Настоящий лабиринт. И Симка побрел по этому лабиринту, впитывая горький запах сосновой коры. Толстенный кусок такой коры он отодрал от бревна и затолкал в сумку – пригодится, чтобы смастерить кораблик.

Поплутав, Симка вышел к воде. Желтоватая от растворенной глины вода языками лизала плоский песок, шевелила на нем сверкающую жестянку – это под плотами подкралась от пробежавшего катера волна. Пахло здесь уже не только бревнами, а еще влажным песком, и... просто рекой. И никого на берегу не было. Как на острове Робинзона.

Симка, дрыгнув ногами, сбросил брезентовые полуботинки. Потопал по песку, полюбовался отпечатками. Представил, что это следы дикарей, побоялся понарошку. Но играть не хотелось. Он побродил по щиколотку в воде. Забытая боль в припухшей косточке толкнулась опять, но тут же приятно растворилась в речной прохладе. А солнце сверху жарило, как в Сахаре. Искупаться бы! Но Симка клятвенно пообещал маме, что купаться в одиночку не будет (впредь до специального разрешения). И нарушить это обещание... Ну, Высшая Сила, может быть, помилует даже такой поганый поступок и мама ничего не узнает, но сам Симка себе этого не простит. Бывало, что скрывал он от мамы двойки, врал, что «ничего не задано», дулся с пацанами в запретную «чику», но если давал специальное честное слово, то знал: тут уж не извернешься. Иначе заедят угрызения. Это, кажется, Гек Финн в книжке Марка Твена говорил: «Если бы у меня была собака с таким характером, как у совести, я бы ее утопил...» Это он, конечно, зря: собака-то при чем?

На песке и наполовину в воде валялась шина от грузовика. Симка посидел на ней. Макнул в воду палец и написал им на теплой резине слово ДУРА – про Василису. Но буквы быстро высохли. Он посмотрел через реку. Музейные часы показывали пятнадцать минут двенадцатого. Симка попытался отодрать от колена засохшую коросточку, но та держалась прочно. «Тьфу на тебя...». Симка поднялся, оставил у шины сумку и побрел по берегу.

Шагов через тридцать он увидел, что штабеля расступаются, открывая проезд к воде с улицы. Справа от проезда громоздилась вплотную к бревнам мусорная куча.

Ну, куча как куча – дырявые ведра, рваный кирзовый сапог, гнилые рогожи и всякая другая дрянь. Но Симке, как любому нормальному человеку, было известно, что среди утиля можно обнаружить интересные вещи. И вот сейчас... под обрывком толя, как под козырьком, что-то солнечно сверкало. Скорее всего, битая стеклянная посуда. Но *Который Всегда Рядом* шепнул Симке: «Не проходи, Зуёк, взгляни...» И Симка отбросил липкий от солнца толь.

Ух ты-ы... Да здравствует Василиса, из-за которой Симка оказался здесь!

Перед Симкой лежала большущая линза от телевизора.

Такие линзы – из прозрачной пластмассы, пустотелые – наполняли водой и ставили перед телевизорами КВН. Они увеличивали маленькие экраны, как шаровидные аквариумы увеличивают внутри себя рыбок. Теперь эти «кэвэнэшки» (первая советская марка) уже выходили из моды, появлялись другие, с крупными экранами, и пустые линзы-великанши – порой вместе с отслужившими «первобытными» теликами – хозяева без жалости и благодарности отправляли на помойки.

У Симки дома никогда не было телевизора, даже самого старомодного. И едва ли скоро будет. Разве напасешься столько денег! Но и эта вот линза сама по себе могла пригодиться

для увлекательных дел. Например, Симку всегда интересовало: можно ли с помощью такой «стекляшки» что-нибудь зажечь?

Сейчас было самое время дать ответ на этот вопрос.

Симка выволок линзу из-под толя. Пустая, она была совсем легкая. И казалась почти новой, на оргстекле с обеих сторон – плоской и выпуклой – ни царапинки. Окаймлял линзу пластмассовый, окрашенный под бронзу обод. В двух местах у обода торчали «ушки» с отверстиями – чтобы крепить эту штуку к подставке. Сейчас подставки, конечно, не было (и не надо!). Не было и пробок, которыми полагалось закупоривать емкость, когда налита вода. Ладно, обойдемся! Симка отыскал в мусоре сухую кленовую ветку, отломил от нее два кусочка, они «по калибру» были как раз для отверстий. Сунул их в карман. И, держа линзу перед собой, как пойманную морскую черепаху, вошел в воду выше колен.

Он окунул линзу. Та, полная воздуха, пыталась выпрыгнуть.

– Не вредничай, пожалуйста, – сказал Симка маминым голосом.

Из отверстий бурно выскакивали пузыри, но вода заливалась в емкость неохотно. Тогда Симка догадался – одно отверстие выставил над поверхностью. Из него шипучей струйкой пошел воздух, освобождая место внутри линзы для воды. И минуты через две вода заполнила пластмассовую «черепаху» целиком.

Ого, какая сделалась тяжесть! Симка выволок линзу на песок, поставил на ребро. Заткнул отверстия кленовыми пробками. Полюбовался. Вода, которая в реке казалось желтой и мутноватой, здесь выглядела совсем прозрачной. Прямо как в графине на столе завуча Агнии Борисовны. Или как настоящее стекло.

Предстояла главная часть опыта.

Симка набрал в мусоре щепок, газетных обрывков и нашел скомканный черный пакет от фотобумаги. Это была удача – известно, что черная поверхность лучше других нагревается от лучей. Всю эту «растопку» Симка сложил кучкой на песке (черная бумага сверху).

Теперь следовало выяснить: какое у линзы фокусное расстояние. Каждый, кто читал «Занимательную оптику для школьников», знает, что фокусное расстояние – та длина, на которой увеличительное стекло дает резкое изображение. В фотоаппарате это несколько сантиметров. А здесь-то небось будет метра два!

Все в той же мусорной куче Симка отыскал крышку от фанерного ящика. На одной стороне были полустертые цифры и буквы, а другая – без надписей и довольно чистая. Симка вертикально вкопал фанеру краем в песок. Чистой стороной – к дальнему берегу. Елозя коленями по песку, он принялся двигать линзу перед «экраном» шагах в четырех от него. И остановился, когда различил на фанере маленький перевернутый пейзаж: зеленый откос, тополя вверх тормашками и опрокинутый музей с крохотным кружочком часов. В самом деле получилось метра два.

А как удержать тяжеленное стекло на таком расстоянии от щепок и бумаги? Ведь оно должно быть на прямой линии между солнцем и «горючим».

Когда ставишь научный опыт, нельзя лениться. Симка, сопя от усердия, передвинул щепки и бумагу ближе к сосновому штабелю – крайнему от воды. Из штабеля в полуметре от песка торчало бревно. Симка забрался на него, линзу ребром поставил себе на плечо, наклонил. Солнце жарило спину и – сквозь фуражку – затылок, на песке лежала съезженная Симкина тень, а над плечом тени, в темном диске, сияло горячее лучистое пятно. Симка пошевелил давящую плечо линзу, чтобы пятно прыгнуло на черную бумагу растопки. Оно покапризничало и прыгнуло. Но, видимо, фокусное расстояние было неточным. Симка встал на цыпочки, двумя руками приподнял линзу над плечом, краем ее уперся в торец ближнего бревна, чтобы не дергалась. Жгучее пятно стало меньше и еще ярче, лучи исчезли. Ком черной бумаги вдруг выбросил синий дым. И вспыхнул! Ура!

Симка прыгнул с бревна, уронил линзу и бросился к огню. Ура-то ура, но пламя перекинулось с бумаги на щепки, получился настоящий костер. При свете солнца огонь был бледным, но жарко дунул по ногам, когда Симка подскочил. А если доберется до штабелей? Или (что еще вероятнее!) кто-нибудь сейчас увидит мальчишку, разложившего рядом со складом бревен огонь, и решит, что тот задумал устроить пожар на всем берегу! Хулиган или диверсант!

Пять лет назад здесь уже горели штабеля, дым вдоль реки стоял стеной. Маленький Симка пришел с мамой на берег, нельзя было пропустить такое пугающее, но притягательное зрелище. Народ толпился на высоком берегу, и от этого берега к другому, к пожару, густо шли лодки с теми, кто решил храбро бороться с огнем... Потом говорили, что во всем виноваты мальчишки, разложившие среди бревен костер... Если устроишь такую жуть, никто тебя не простит – ни Высшая Сила, ни мама, ни милиция!

Симка схватил фанерную крышку, заколотил ей по горящим щепкам, раскидал их по песку. Бесцветный огонек мстительно чиркнул Симку по ноге, как раз по косточке, которая уже пострадала сегодня. Симка взвизгнул, затанцевал. Потом схватил линзу, поднял ее к животу, выдернул пробки и, выгибаясь назад от тяжести, начал тугими струйками поливать шипящие остатки костра. Наверно, со стороны могло показаться, что мальчишка гасит огонь самым простым, именно мальчишкиным способом. Только непонятно, откуда сразу две струйки (Симка, несмотря на боль в ноге, хихикнул).

Ослабевшими струйками Симка полил обожженное место на ноге, боль утихла. Ставшую легонькой линзу Симка спрятал между бревнами – не тащить же с собой в больницу. Песком закидал обгоревшие щепки и бумагу. Всё. Никаких следов преступления. Симка через плечо глянул на дальний берег, на музей. Ого!.. Когда занят важным делом, время теряет нудную тягучесть и бежит в пять раз быстрее. Было уже без десяти двенадцать.

Соня и Тони Мак-Тэвиш Ливи

Вот повезло! Теперь в больничной приемной дежурила не вредная Василиса, а жизнерадостная Катя. Такая молодая, что все ее так и звали – Катя. И Симка.

Ворчать на Симку Катя не стала, сказала, что тут же отнесет передачу и попросит маму пройти к коридорному окну. Симка отдал ей бутылки с молоком и кефиром, баночку с медом, который посылала от себя тетя Капа, и пачку печенья «Крокет» – ее он сам купил для мамы и Андрюшки. В полегчавшей сумке остался лишь кусок коры для кораблика.

Катя ушла. Симка выскочил в переулок, встал на краю тротуара и задрал голову.

Наконец крайнее окно на втором этаже распахнулось. И вот она, мама... У Симки от ласковости заскребло в горле. Каждый раз так...

– Здравствуй, – сипловато сказал Симка и замигал.

– Здравствуй, мой хороший. Ну, как ты там? – Мама всегда говорила эти слова, и Симка тоже отвечал одинаково:

– Мама, все в порядке, честное слово.

– Тетя Капа хорошо тебя кормит?

– Во! – Симка ладонью погладил воображаемый вздувшийся живот. В ответе была некоторая хитрость, но не волновать же маму.

– Спасибо за печенье. Андрюшка сразу вцепился, грызет...

– Мама, а где он? Принеси, а?

– Сейчас...

Через минуту мама вернулась с Андрюшкой, поставила его на подоконник, крепко держа за бока. Тот продолжал бодро грызть печеньюшку. И улыбался. До чего же родной братишка, так бы и прижал к себе...

– Андрей, привет!

– Андрюшенька скажи: «Здравствуй, Сима».

– Хвах Хима, – выговорил Андрюшка неразборчиво – по причине малого возраста и набитого рта.

– Я тебе вертушку сделаю, когда вернешься, – пообещал Симка, опять ощутив царапанье в горле.

– Скажи: «Сима, спасибо»...

– Хима сива...

Мама, конечно, учуяла Симкино настроение.

– Наскучался ты, бедняжка...

Симка не стал отпираться:

– Конечно... Когда выпишут-то?

– Обещают через неделю.

– У-у...

– Ну что ты! Это совсем скоро. Не успеешь оглянуться...

И оба замолчали. Симка затоптался, поддавая коленями сумку. Вот так всегда: ждешь встречи, а потом скажешь несколько фраз – и вроде бы говорить больше не о чем. Тем более, что голосовые связки делаются будто распухшие...

– Чем сегодня будешь заниматься? – спросила мама.

– «Человека-амфибию» почитаю. А еще дядя Миша просил помочь прибраться в сарае, дрова переложить... А вечером схожу на школьную площадку, там ребята в футбол играют...

– Допоздна-то не гуляй...

– Нет, что ты...

– Ну, беги...

– Ага, – сказал Симка. Но не уходил. – Мам... а Соня...

– Ох, чуть не забыла! Она просила тебя подойти к забору, к вашей щели.

– Мама, до завтра! Андрюшка, пока!

У больницы был обширный двор, и задний край его выходил на улицу Лесосплавщиков, которая тянулась параллельно Односторонке, в квартале от нее. Симка свернул за угол, прошагал вдоль высоченного забора и остановился у знакомой, чуть перекошенной доски.

Изнутри двора у забора густо росла желтая акация. Угодившие в больницу ребята иногда проникали в эти заросли и раздвигали в заборе полуоторванные доски, чтобы повидаться с навесившими их друзьями-приятелями. Взрослые такое дело, конечно, не одобряли (больница-то ин-фек-ци-он-ная!), а сторож дядя Матвей мог даже огреть хворостиной: «Вот ты больной, а я тебя сейчас вылечу!» Но, свобода, как говорится, дороже...

Соне, как и Симке, было одиннадцать лет. Она приехала на каникулы к своему дядюшке из Тобольска и почти сразу «угодила в это медицинское учреждение». На неделю раньше Андрюшки. Дома у нее был почти такой же маленький брат, по которому она, конечно, скучала. И поэтому она стала возиться с Андрюшкой, помогать его маме и подружилась с обоими. Однажды мама сказала Симке:

– У нас в палате есть девочка, очень хорошая. Ты не мог бы принести ей какую-нибудь книжку?

– Какую? – буркнул Симка. Не хватало ему еще забот о «хороших девочках». – Я же не знаю, какую ей надо...

– А поговори с ней сам... Соня, иди сюда!

Из-за мамино локтя возникло существо с тонкой шеей и лопухой головой в рыжей панамке. Из-под панамки торчали очень короткие светлые прядки – видать, девчонку остригли в больнице (хорошо хоть, что не наголо!).

– Здравствуй, Сима, – тонко сказала она через подоконник, и даже снизу было видно, какие у нее розовые уши. «Ишь ты, имя уже знает!»

– Здравствуй, – пришлось сказать и Симке. И он стал смотреть мимо Сониного уха в глубину больничного окна.

– Мне все равно какую книжку. Лишь бы интересная. Какую захочешь, ту и выбери...

– А если ты ее уже читала? – хмуро сказал он.

– Ну и что! Хорошую можно хоть сколько раз...

– Ладно... Завтра приду в пол-одиннадцатого, будь у окна, приготовь удочку.

Удочками назывались бечевки с крючками или сетками-авоськами, которые надо было спускать из окна для запрещенных передач. Книги были под запретом, потому что после прочтения больные старались вернуть их, а это означало распространение инфекции.

– Хорошо, – кивнула панамкой Соня. – Или лучше знаешь что? Приходи к заднему забору, там вверху есть птичка, мелом нарисованная. От нее вправо пятая доска. Она отодвигается. Я подойду, отодвину...

– А не попадет тебе? – вырвалось у Симки, и он застеснялся этой неожиданной заботливости.

– Не-а... А если и попадет, пускай! Лишь бы книжка была...

В тот день Симка до вечера был в непонятном волнении. Казалось бы, подумаешь какое дело – передать девчонке плоский пакет через щель в заборе! А он томился, будто ожидалось настоящее приключение. Или, может, не в приключении дело, а... «Тьфу на тебя, дурак!» – сам себе сказал Симка (и то же самое услышал от *Которого Всегда Рядом*). И стал сердито заворачивать книжку в «Туреньскую правду». Какую именно книжку – он решил еще там, у больницы...

Назавтра все произошло строго по плану. Симка переслал с санитаркой Катей маме и Андрюшке передачу, потоптался под окном и рассказал маме, что «все у меня в порядке»,

узнал у нее, что уже почти половина одиннадцатого, и побежал на улицу Лесосплавщиков. Он легко отыскал нужную доску. И доска отодвинулась, едва Симка подошел. В щель высунулась голова в рыжей панамке.

– Ну вот, – выговорил Симка, пряча неловкость за хмурой деловитостью. – Я принес...

– Спасибо, – заулыбалась она. И протянула тонкую руку, торчавшую из куцега рукавчика застиранной бумазейной пижамки. – А что это за книжка?

– Развернешь – увидишь... Только ты никому ее не показывай. Она запрещенная.

– Понимаю, – уже без улыбки кивнула Соня. – Здесь все книжки запрещенные.

– Не в этом дело, – с важностью опытного конспиратора объяснил Симка. – Она не *здесь* запрещенная, а *вообще*...

Соня приоткрыла маленький рот с трещинками на губах. И тогда Симка окончательно ввел ее в свою тайну. Это было, по правде говоря, легкомысленно – какую-то незнакомую девчонку! Но у девчонки были понимающие глаза. Это Симка разглядел еще вчера, снизу, когда Соня маячила в окне. А сейчас в этом убедился снова. Лицо у Сони было... ну просто никакое, самое обыкновенное: вздернутый нос, реденькие брови, несколько крупных, но почти незаметных веснушек – словно кто-то обмакнул палец в краску почти того же цвета, что кожа, и поставил девчонке на переносицу и щеки полдесятка прозрачных пятнышек. Но глаза... он вроде бы тоже обыкновенные, желтовато-серые и небольшие, но смотрели так, будто видели в Симке всё-всё. И при этом не было в них ни насмешки над Симкиными страхами, ни осуждения его фантазий. Соня словно мысленно говорила: «Не стесняйся, я такая же как ты».

И теперь Симка, покоряясь нахлынувшей доверчивости, прошептал:

– Она очень интересная. Но ее написал запрещенный писатель...

...Книжку подарила мама, когда Симка пошел в первый класс.

На оранжевой обложке причудливыми буквами было написано: «Говард Фаст. Тони и волшебная дверь». А в верхнем углу нарисован был стоявший у дощатой калитки мальчишка, похожий на него, на Симку. С такой же косой белобрысой челкой, в такой же клетчатой рубашке-ковбойке и застегнутых под коленками штанах – одежде, в которой Симка пошел в школу. Введенная два года назад ученическая форма с гимнастерками, фуражками и брюками навывпуск проникала в Турень медленно и была еще не у всех ребят.

Мальчик слегка расставил ноги, заложил руки за спину и смотрел ошетиненно – так же, как случалось глядеть на обидчиков Симке. И Симка сразу ощутил к нему дружеские чувства.

Книжку он буквально проглотил. Читал Симка в ту пору уже очень неплохо и одолел к первому классу немало книжек, но это были в основном сказки да еще «Приключения Буратино». А повесть про маленького американца Тони с длинной фамилией Мак-Тэвиш Ливи оказалась первой серьезной книгой в жизни Симки Стеклова. Впрочем, и она была во многом сказочной и совсем тоненькой, но Симке в ту пору показалась большим романом – столько удивительных (иногда печальных, но с хорошим концом) событий в нее вместились... И потом Симка перечитывал ее много раз. А прошлой весной, незадолго до поездки в Ленинград (главного события в Симкиной жизни!), тетушка Нора Аркадьевна увидела эту книжку и сказала:

– Ты, голубчик, держи ее подальше от чужих глаз. На всякий случай.

– Почему?! – изумился и обиделся за своего друга Тони Симка.

– Потому что Говард Фаст, который раньше считался борцом за мир, лауреатом Сталинской премии и самым-самым прогрессивным писателем Америки, нынче неуютен нашей власти.

– Господи, что случилось-то? – встревожилась мама. Конечно, не за Говарда Фаста, а за Симку.

– Ну, Анна Серафимовна, вам-то следовало бы знать. Случилось примерно то же, что совсем недавно с Пастернаком. Попал в немилость в силу своих излишне самостоятельных взглядов. Вы же знаете про венгерские события в пятьдесят шестом году. Фаст, как и многие

наши бывшие друзья на Западе, оказался отнюдь не на стороне Советского Союза, защищавшего в Венгрии... это самое... свободу и демократию.

Мама быстро сказала:

– Сима, убери на заднюю полку... И шел бы гулять, рано тебе слушать про такое.

Но Симка не пошел. Потому что про «такое» слышал он и раньше. Про венгерское восстание – от соседа дяди Миши, который в том году служил под Будапештом. (Он говорил, хлебнувши лишнего: «Черт разберет, кто тогда был прав, кто виноват, палили друг в друга. Вчера был друг, а нынче, глядишь, изменник проклятый...») И его жена тетя Тома прогоняла его с крыльца в дом веником: «Уйми язык свой поганый!»)

И про писателя Пастернака Симка слышал. Мама и Нора Аркадьевна несколько раз спорили о его романе про какого-то доктора со странной фамилией Живаго. Обе они эту книгу не читали (ее печатали только за границей, у капиталистов), однако Нора Аркадьевна была уверена, что роман гениальный. А мама говорила, что судить можно лишь тогда, когда прочитаешь. Вот стихи Пастернака она читала и совсем не уверена в их гениальности. Наоборот, многие из них кажутся ей непонятными. Нора Аркадьевна пожимала плечами и прекращала разговор. Наверно, вести литературные беседы с читательницей, у которой нет высшего образования, она полагала бесполезным. Но вслух этого не говорила, поскольку была интеллигентна и не считала возможным уязвлять в споре жену своего покойного брата...

Ну вот, Симка слова Норы Аркадьевны принял к сведению, но любить книжку про Тони не перестал. И сейчас решил доверить ее Соне, хотя с точки зрения здравого смысла это было полным головотяпством.

...– Понимаешь, этот писатель поссорился с нашим правительством из-за восстания в Венгрии четыре года назад. Сказал, что наши были не правы, когда его подавляли. И его у нас запретили. Но книжку-то эту он написал еще раньше. Знаешь, какая интересная! Про одного пацана, который через дверь в старом заборе попадал в сказочную страну. То есть в старинные времена, к индейцам...

Соня кивнула все с тем же пониманием в глазах. Завернутую в газету книжку сунула под пижамную курточку и очень серьезно призналась:

– Мне тоже иногда кажется, что можно найти такую дверь в заборе. И попасть куда-нибудь...

– И мне... – выдохнул Симка. И вдруг отчаянно засмутился, будто признался в любви. Понял, что выдал одну из главных своих тайн. Но смущение было коротким, как вспышка, потому что Соня... ну да, она была *такая же*. Она сказала:

– Я пробовала несколько раз... пройти... Но пока не получалось. А у тебя?

– У меня тоже... пока...

– Вдруг когда-нибудь получится... да?

– Да... – опять сказал он с выдохом. И теперь уже не отвел взгляда от Сониных желто-серых глаз.

...Потом они не раз встречались у этой щели в заборе, и бывало даже, что Симка пробирался на больничный двор – это когда Соня сообщала, что дядя Матвей пьян и ловить никого не может. Сидели в щекочущей гуще акации и полупшепотом говорили про многое. Про интересные книжки, про космос, про спутники, жалели собаку Лайку, которая почти три года назад была отправлена в спутнике номер два на верную гибель. Симка признался даже, что несколько раз видел во сне, будто в спутнике запустили не собаку, а его, Серафима Стеклова, и что он задыхается внутри железного шара. Не только от безвоздушности, но и от тоски, потому что помирать вдали от Земли в тыщу раз страшнее, чем дома.

– Человека, наверно, так не запустят, обязательно вернут, – шепотом утешала его Соня, но, видимо, и ей было страшновато.

Симка не очень-то утешался:

– Собака ведь тоже живая. Как ей там было задыхаться-то...

Соня кивала и, сама того не замечая, прижималась обтянутым пижамой плечиком к Симке. Они молчали с минуту и начинали говорить о другом.

Книжка про Тони давно вернулась к Симке – он заразы не боялся, потому что переболел scarлатиной еще в Андриюшкином возрасте, а эта болезнь не грипп, повторно к человеку не липнет...

На этот раз все было как всегда. Доска отодвинулась, едва Симка приблизился. Соня быстро сказала:

– Лезь. Дядька Матвей опять набрался...

И Симка протиснулся в щель.

Сели рядышком на толстый нижний брус забора, за акациями. В глубине двора слышались голоса выздоравливающих ребятишек, те перебрасывались мячиком. Но сюда никто не совался.

Нет, Симка зря подумал, что нынче как всегда. Почти сразу он почувал: что-то не так. Хотя сперва Соня сказала обычным голосом:

– Чего ты такой встрепанный? И ноги в саже...

Симка рассказал про приключения на берегу. Но рассказывал, а в душе неприятно шевелилось ожидание: что-то сейчас *будет*.

И это случилось. Выслушав про линзу и костер, Соня поцарапала тапочкой траву и сообщила:

– Сегодня выписывают. И сразу домой. То есть вечером к дяде Диме, а утром с мамой в Тобольск...

Ну вот. Конечно, это должно было случиться. Оба понимали, что такой день наступит, но никогда не говорили про него. Однако говори не говори, а вот он...

Посидели, помолчали. Потом Симка спросил с неловкостью, будто в первый день знакомства:

– Можно, я тебе письмо напишу?

– Конечно.

– Только мне твой адрес записать нечем. Ты скажи устно, я запомню...

– Да зачем? Я оставлю твоей маме. А еще... я тебе, наверно, первая напишу...

– Ладно! Только ты обязательно...

– Я обязательно... как приеду...

Симку осенило:

– Я тебе на память подарю одну вещь! Вот... – Он завозился, вытащил пятак Фатяни (при этом мелькнуло в голове: «Ох, не забыть бы макнуть в чернила палец!»). – Смотри, какой старинный, красивый.

– Очень красивый. Спасибо... – Соня заулыбалась. – А я тебе тоже... вот... – И протянула на ладони увеличительное стеклышко. Размером как раз с пятак. – Смотри, такое же круглое...

– Ага! – обрадовался Симка. – К тому же я Стеклов. А ты... случайно не Пятакова?

– Нет... ой! Я Шестакова. Похоже, да?

Они посмеялись, но не весело, а так, будто выполняя правило. И оба ощутили, что наступают минуты томительного прощания, когда хочешь одного: пусть оно скорее кончится. Недаром же сказано: «Долгие проводы – лишние слезы». Чтобы не случилось такого скандала (Симка на слезы всегда был слабоват), он быстро встал.

– Все! Давай руку! И пойду! – Он решительно сжал слабенькие Сонины пальцы и так же решительно протиснул себя с больничного двора на улицу. Поспешно и неосторожно – содрал при этом о край доски с колена болячку, которую не смог отколупнуть на берегу. Наплевать...

У поворота в Сосновый переулок Симка не выдержал, оглянулся. Голова в рыжей панамке торчала из щели в заборе. Симка поболтал над плечом ладонью (и мельком вспомнил

при этом девочку на барже). Соня высунула руку и замахала в ответ. Симка лягнул сумку и почти бегом свернул за угол.

Пароход «Тортила»

Первую минуту грусть расставания сильно грызла Симкину душу. Он даже подумал: не включить ли какую-нибудь отвлекающую музыку? Но это было бы нечестно по отношению к Соне – будто он пытается поскорее ее забыть. А он не хотел забывать!

Через сотню шагов грусть смягчилась. «Напишет же», – подумал Симка. В конце концов, можно быть друзьями и на расстоянии. Слабенькое, конечно, утешение, но хоть какое-то... Кроме того, Симка сообразил: есть и память о Соне – в той же руке, которой он держал ручки сумки, он сжимал ее стеклышко.

Теперь у него будет два увеличительных стекла. Гигантское, из линзы от КВН, и вот это, Сонино...

Стоп, стоп, стоп! Как он сразу-то не сообразил! Это же...

Каждый, кто читал «Занимательную оптику для школьников», знает, как устроен самый простой телескоп. Нужна большая линза для объектива и маленькая для окуляра. Если разделить фокусное расстояние большой на фокусное расстояние маленькой, узнаешь, во сколько раз телескоп станет увеличивать в своем поле зрения небесные тела. Ну-ка...

Конечно, Симкино «стоп» было мысленным, а на самом деле он прибавил скорость. На ходу надел ручки сумки на локоть, на ходу же обратил линзу-малютку к солнцу и навел ее лучи на левую ладонь. Когда до ладони сделалось сантиметра четыре, солнечная точка ужалила кожу. Ай...

Итак... два метра – это двести сантиметров, и если их разделить на четыре, получится пятьдесят (задача простая, это вам не деление дробей). Разумеется, число приблизительное, но все равно здорово! В полсотни раз будет приближать космические объекты Симкина астрономическая система! Ее можно назвать «С+С». То есть «Симка плюс Соня»...

Только из чего и как для такой системы смастерить трубу? Нужна будет великанская труба!.. Но это потом. Первые опыты можно провести и без нее.

Через две минуты Симка был на берегу. Вытащил из тайника между бревнами пустотелую линзу. Сперва решил было опять наполнить ее водой и прямо здесь провести первое испытание будущей «С+С». Но вспомнил, как долго наливается вода. К тому же она, если приглядишься, все-таки мутноватая. Чтобы зажечь мусор, годится, а для оптического прибора – едва ли. Вода из колонки гораздо чище речной. Поэтому есть смысл поскорее шагать домой. Тем более что надо макнуть палец, а то закрутишься и забудешь...

Симка покачал линзу в руках. Легонькая, когда без воды! Наверно, если сесть на плоскую сторону, можно поплыть по реке, как на маленьком круглом плоту... Хотя нет, перевернешься... А если лечь на нее животом?

«Не валяй дурака...» – неслышно сказал *Который Всегда Рядом*.

«Это не я, – оправдался перед ним Симка. – Это мысли сами по себе скажут...»

«Дурацкие мысли».

Но дурацкие или нет, а они скакали дальше. И Симка представил, как он не только плывет на «спасательной» линзе вдоль плотов, но и отважно переплывает реку. А что?

Переплыть реку было давней мечтой Симки Зуйка. Когда он купался с ребячьей компанией, некоторые мальчишки вразмашку храбро уплывали на другой берег и возвращались как ни в чем не бывало. А у Симки не хватало духа. Вернее, он трезво оценивал свои силы и понимал, что их может не хватить... Но здесь-то пришлось бы плыть лишь в одну сторону. Правда, без друзей-приятелей, которые в крайнем случае ухватят за волосы, но зато с надежной плавающей емкостью под животом. Надо только потуже вогнать в нее пробки...

«Ты же обещал маме не купаться в одиночку!» – возмущенно напомнил *Который Всегда Рядом*.

«А какое же это купание! – старательно возмутился в ответ Симка. – Это испытание спасательного средства! Я даже раздеваться не буду, только сниму башмаки. В одежде разве купаются?»

Шорты и майка облипнут, но велика ли беда! Зато не надо пилить в обход, через мост. И можно будет потом сказать ребятам: «Неохота мне больше болтаться от берега к берегу, я недавно переплыл реку от Односторонки до нашей лестницы. Не верите? Да хоть кто буду, если вру!..» – и в знак нерушимой клятвы сцепить и разорвать мизинцы. Про линзу можно не говорить, а сами они, конечно, не догадаются.

А кроме того... Теперь Симке казалось, что если он решится на такое отважное (хоть и с линзой, но все равно отважное!) путешествие, потом все в жизни будет хорошо. И Соня обязательно пришлет письмо!.. А если он не решится – будет наоборот. Известно ведь, что судьба помогает смелым, а трусости никому не прощает.

Если в Симкиной голове появлялась какая-нибудь «несусветная» (по маминому выражению) идея, было два способа от нее избавиться: или зарубить опасные мысли в самом-самом начале, или подчиниться им и постараться поскорее выполнить все, на что эти мысли толкают. Иначе они не дадут покоя, станут сверлить, сживать со света.

«Ох, Зуёк...» – сказал *Который Всегда Рядом*.

Если бы он твердо потребовал: «Не смей, дурак!», Симка бы отступился. Однако в неслышном голосе невидимого советчика был упрек, но не было окончательного запрета.

Симка глянул через реку. Половодье в этом году случилось хилое, река почти не разливалась. Правда, крайние быки-ледорезы перед опорами моста (они похожи были на косо затонувшие домики с острыми железными крышами) все еще стояли в воде. Когда река обмелеет до предела, они окажутся на песке, а расстояние для заплыва сделается меньше. Но не ждать же августа!.. А пока до откосов у здания музея... ну, тоже недалеко! Метров сто пятьдесят. К тому же и плыть-то придется не от самого берега, а от плотов, а это чуть не треть пути...

«Ох, Зуёк...»

Но он уже действовал решительно, не давая опасливому «ох» превратиться в трусливое «лучше не буду».

Сбросил башмаки и фуражку, сунул их в сумку, где лежал могучий кусок коры (тоже дополнительная плавучесть), приторочил ее к спине как рюкзак – ручки надел на плечи. Отверстия в верхнем крае линзы снова закупорил деревянными палочками. Прочно – от этого зависела безопасность. Вытащил из кармана ленты от Фатяниного платка, продернул их в отверстия для болтов на рамке линзы, скрутил в жгут. За них он будет держаться на плаву. А то сама-то линза скользкая, улизнет чего доброго...

Симка через полосу воды перешел с песка на плоты. Рядом с ними глубина была по пояс, и когда он забрался на бревна, со штанов бежало. Плот оказался широкий, и Симка поразился этому. По теплым от солнца бревнам он доскакал до другого края. И вот она перед ним – «большая вода».

Который Всегда Рядом больше не говорил «Ох, Зуёк...» – чего тормозить человека, если он все решил окончательно! Только хуже сделаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.